

УДК 821.161.1-31.09(045)

*В.Ю. Даренский***СИМВОЛИКА ИМЕНИ «РОТШИЛЬД» В РОМАНЕ «ПОДРОСТОК» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье рассмотрен сюжет романа «Подросток» как символическое развертывание первичного мифо-символического смысла имени «Ротшильд». Имя «Ротшильда» в качестве символа развертывается как серия событий, связанных с попытками людей самоутвердиться с помощью денег и их безнравственных поступков, которыми неизбежно эти попытки заканчиваются. «Подросток» освободился от демона своей «ротшильдской идеи», стал другим человеком. Показаны и историософские аспекты этого имени. Модель «ротшильдского» человека, имея известные прецеденты в мировой литературе (Гобсек и др.), тем не менее, именно у Достоевского обрела метафизический, «шекспировский» масштаб и, соответственно, задала масштаб своего преодоления в виде духовного преображения человека в свете христианского идеала.

Ключевые слова: Достоевский, «Ротшильд», «Подросток», историософия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-350-356

Фамилия финансового олигарха Ротшильда во внутреннем мире романа «Подросток» Ф.М. Достоевского приобрела смысл нарицательного имени не просто богача, но «хозяина мира», ставшего таковым благодаря деньгам. Аркадий Долгорукий – главный герой романа – хочет стать «Ротшильдом» в символическом смысле: хозяином мира. Это сложный экзистенциальный мотив: кроме очевидного «подросткового» максимализма в нем присутствуют еще два смысловых элемента: с одной стороны, стремление обычного, ничем не примечательного человека стать великим; с другой – низменное стремление достичь этого не за счет своих качеств, а за счет денег. На протяжении романа «подросток» проходит процесс взросления и осознания пагубности этой идеи для души. Наричательное имя «Ротшильда» в романе как символ зла (совокупности соблазнов мира и власти цивилизации денег) разворачивается в разных аспектах, требующих специального анализа. В данной статье будет начат такой анализ, исходя из нескольких ключевых сюжетов романа.

Данная тема рассматривалась в статье Н. Подосокорского «Легенда о Ротшильде как “Наполеоне финансового мира”», в которой автор отметил, что Достоевский употреблял имя Ротшильда в «мифо-символическом ключе» [6, с. 46]. Однако этот автор искусственно связывает символику имени Ротшильда с так называемым «наполеоновским мифом» у Достоевского. На самом деле, у писателя не было какого-то особого «наполеоновского мифа», он лишь использовал имя Наполеона в том символическом смысле, который оно объективно приобрело в языке еще до Достоевского и который продолжает существовать до сих пор, например, в выражении «наполеоновские планы». В действительности семантика имен «Наполеон» и «Ротшильд» совершенно различна и не придумана Достоевским, а существовала независимо от него. Имя «Наполеон» символизирует гордого завоевателя в духе античных героев, а имя «Ротшильд» означает денежного махинатора, правящего миром. Общим у них является только то, что и «Наполеон», и «Ротшильд» – это продукт особой демонической гордыни человека, но во всем остальном они принципиально отличны: если «Наполеон» – это отважный герой, то «Ротшильд» – это низкий обманщик, добившийся власти нечестными средствами. Таков смысл этих имен, который объективно возник в культуре, а не придуман Достоевским.

Фамилия Ротшильд (Rothschild) имеет немецкое происхождение и означает «красный щит», поскольку основатели этой династии банкиров жили во Франкфурте-на-Майне в доме, на котором был нарисован герб его прежних владельцев – немецких аристократов, основой которого был красный щит. Символично, что фамилия образовалась от чужого родового герба, и этот символ был фактически присвоен Ротшильдами вместе с покупкой чужого дома. Символ присвоения чужого – это как раз и есть знак финансовых махинаций и денег, которые получают не трудом, а на основе процентов от кредитов, либо вообще в результате присвоения чужой собственности благодаря банкротству хозяев. Именно так и образовывались «первоначальные капиталы» тех, кто затем стал олигархами в мире финансов и капитала. В XIX в. эти люди фактически захватывают реальную власть в своих государствах и мире в целом, поскольку с этого времени реальную власть дают деньги. Г. Гейне первым сформулировал своего рода «символ веры» современности: «Ибо деньги – бог нашего времени, а Ротшильд – пророк его!» [2, т. 8, с. 130]. В поэме «Дон Жуан» (1819–1824) Байрон писал о своей эпохе:

Кто в Англии политику вершит?
Кто создает надежды, интересы?
Кто радости и горести дарит?
Вы думаете – дух Наполеона?
Нет! Ротшильда и Беринга мильоны! [1, т. 1, с. 429].

Как видим, имя Ротшильд ко временам Достоевского давно уже стало нарицательным среди образованных людей. Поэтому герои произведений писателя упоминают его как общеизвестное. Так, в «Униженных и оскорблённых» Алеша Валковский говорит: «нынче самый главный князь – Ротшильд» [4, т. 3, с. 238]. В наброске незавершённого «Ростовщика» (1866) Ротшильд назван «золотым царем» [4, т. 5, с. 321]. О богатстве Ротшильда несколько раз упоминал герой «Игрока» Алексей Иванович [4, т. 5, с. 216, 226]. В романе «Идиот» Ганя «сердился, например, и на то, что Птицын не загадывает быть Ротшильдом и не ставит себе этой цели. “Коли уж ростовщик, так уж иди до конца, жми людей, чекань из них деньги, стань характером, стань королем иудейским!”» [4, т. 8, с. 387]. Выражение «король иудейский» Ганя употребил в разговоре с князем Мышкиным, признаваясь в своей жадности разбогатеть: «Вот эту-то я всю гимнастику и перескачу и прямо с капитала начну; чрез пятнадцать лет скажут: “Вот Иволгин, король Иудейский”. Вы мне говорите, что я человек не оригинальный <...> Это, батюшка, меня давно уже бесит, и я денег хочу. Нажив деньги, знаете, – я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира» [4, т. 8, с. 105].

Для понимания исторического контекста этих высказываний героев Достоевского весьма характерна и история, описанная А. Герценом в мемуарах «Былое и думы», в главе с издевательским названием «Император Джемс Ротшильд и банкир Николай Романов». Герцен обманном путем продал Ротшильду свои ценные бумаги, которые были недействительны, поскольку в России находились под арестом по решению суда. Однако Ротшильд, узнав об этом, не только не вернул их А. Герцену, но наоборот, потребовал Россию произвести все выплаты по этим незаконным бумагам. И тогда, как пишет А. Герцен, издеваясь над русским царем, «петербургский 1-й гильдии купец Николай Романов, уstraшенный конкурсом и опубликованием в “Ведомостях”, уплатил, по высочайшему повелению Ротшильда, незаконно задержанные деньги с процентами и процентами на проценты, оправдываясь неведением законов» [3, т. 10, 140]. Царь действовал исходя из государственных интересов и не хотел вступать в конфликт с Ротшильдом. А. Герцен так описывает Джеймса Ротшильда: «Царь иудейский сидел спокойно за своим столом, смотрел бумаги, писал что-то на них, верно, все миллионы или по крайней мере сотни тысяч» [3, т. 10, с. 138]. Впрочем, Достоевский вряд ли читал этот текст А. Герцена, поскольку если бы он его читал, то неизбежно ответил бы на него хотя бы в дневнике. Поэтому тем более характерно, что образ реального Ротшильда, описанный А. Герценом, полностью соответствует «Ротшильду» как культурному символу.

В подготовительных материалах к «Идиоту» Достоевский сформулировал следующую мысль: «Главная и основная мысль романа, для которой всё: та, что он до такой степени болезненно горд, что не может не считать себя богом, и до того, вместе с тем, себя не уважает (до того ясно себя анализирует), что не может бесконечно и до неправды усиленно не презирать себя <...> Вместо полезной деятельности – зло. На будущее – расчет: буду банкиром, царем иудейским и буду всех держать под ногами в цепях. “Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте – вот что только и можно, по-моему, по моей натуре, а так, просто износиться я не хочу”» [4, т. 9, с. 180]. Это не что иное, как характер нового, «ротшильдовского» человека, который реально в романах Достоевского был воплощен в той или иной степени в разных его героях. В «Подростке» Аркадий Долгорукий говорит: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шексперы, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я – бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились» [4, т. 13, с. 76-77]. Главный герой «Подростка», в отличие от Раскольникова, в качестве своего образца упоминает уже не Наполеона как «сильного человека», а Ротшильда – и не как «сильного человека», а как раз наоборот, как человека ничтожного, но ставшего «великим» благодаря деньгам. Это переход от идеала Наполеона к «идеалу» Ротшильда – кризис и «перелом» в мировой истории.

Уже в самом начале романа Достоевский изображает две символические «ротшильдовские» сцены. Первая из них показывает, как «Подросток» Аркадий Долгорукий начал реализовывать свою идею стать Ротшильдом. Достоевскому удалось краткой сценой передать всю глубину погружения души в цинизм и жестокость уже в самом начале процесса «ротшильдовского» обогащения. Стоит подробнее рассмотреть эту пронзительную сцену:

«– Я опоздал. Ах, как жаль! За сколько?

– Два рубля пять копеек.

– Ах, как жаль! а вы бы не уступили?

– Выйдемте, – шепнул я ему, замирая.

Мы вышли на лестницу.

– Я уступлю вам за десять рублей, – сказал я, чувствуя холод в спине.

– Десять рублей! Помилуйте, что вы!

– Как хотите.

Он смотрел на меня во все глаза; я был одет хорошо, совсем не похож был на жида или перекупщика <...>

Я повернулся и пошел.

– Да возьмите четыре рубля, – нагнал он меня уже на дворе, – ну, пять.

Я молчал и шагал.

– Натя, берите! – Он вынул десять рублей, я отдал альбом.

– А согласитесь, что это нечестно! Два рубля и десять – а?

– Почему нечестно? Рынок!

– Какой тут рынок? (Он сердился.)

– Где спрос, там и рынок; не спроси вы, – за сорок копеек не продал бы.

Я хоть не заливался хохотом и был серьезен, но хохотал внутри, – хохотал не то что от восторга, а сам не знаю тчего, немного задыхался.

– Слушайте, – пробормотал я совершенно неудержимо, но дружески и ужасно любя его, – слушайте: когда Джемс Ротшильд, покойник, парижский, вот что тысячу семьсот миллионов франков оставил (он кивнул головой), еще в молодости, когда случайно узнал, за несколько часов раньше всех, об убийстве герцога Беррийского, то тотчас поскорее дал знать кому следует и одной только этой штукой, в один миг, нажил несколько миллионов, – вот как люди делают!

– Так вы Ротшильд, что ли? – крикнул он мне с негодованием, как дураку.

Я быстро вышел из дому. Один шаг – и семь рублей девяносто пять копеек нажил! Шаг был бессмысленный, детская игра, я согласен, но он все-таки совпадал с моею мыслью и не мог не взволновать меня чрезвычайно глубоко...» [4, т. 13, с. 38-39].

Столь обширный фрагмент текста приведен для того чтобы показать всю динамику и тонкость анализа Достоевским движений человеческой души, впадающей в «ротшильдовский» соблазн». Как видим, в первую очередь душа обеспечивает себе нравственное «алиби» тем, что внушает себе: она действует строго по закону, ничего не нарушает, и поэтому к ней не может быть никаких претензий. Но чем ближе она вступает в контакт с душой другого человека, за счет которого хочет обогатиться, чем явственнее становится ее цинизм и беззастенчивая жестокость. Собеседник Подростка сначала поражен и просто не верит, что вообще возможен такой цинизм и жестокость с его стороны. Но затем смиряется с ситуацией и уступает требуемые деньги. Очевидно, что вещь ему действительно очень дорога и нужна. В такой ситуации даже самое черствое сердце должно было бы раскаяться и отдать эту вещь по ее цене, а не гнаться за сверхприбылью. Но Подростка эта ситуация вовсе не смягчает, хотя читатель догадывается, что в душе он переживает ее тоже болезненно. Но эту скрытую внутреннюю боль и сострадание он глушит рациональными аргументами и цинизмом, доходящим до настоящего психологического садизма. Именно поэтому, как он признается, что «хохотал не то что от восторга, а сам не знаю отчего, немного задыхался» [4, т. 13, с. 39]. Это хохот, который в любое мгновение может перейти в плач – но Подросток устоял. Он не сорвался в плач сострадания только потому, что вдруг высказал своей жертве весь свой восторг от того, что у него получилась схватить хотя бы отдаленное подобие той удачи, какую имел в свое время Ротшильд. А услышав это имя, его несчастный собеседник понял, что Подросток – человек страшный и разговаривать с ним больше не о чем.

Такова своего рода «анатомия» превращения человека в чудовище под влиянием страсти – и не столько к деньгам как таковым, поскольку они здесь лишь средство, но именно к могуществу и власти

над людьми. Эта сцена очень важна для всего романа – в ней, как в «зерне», содержится то исходное состояние души, от которого должен будет избавиться Подросток. И в ней же содержится и глубокий историсофский смысл – она показывает духовную сущность того мира, который приходит под видом «прогрессивной цивилизации», но в реальности основан на самых низменных мотивах человеческой души...

Вторая «ротшильдовская» сцена – с участием Ламберта, товарища Аркадия Долгорукова: «Он сказал, что деньги утащил сегодня у матери из шкатулки, подделав ключ, потому что деньги от отца все его, по закону <...> Он привязал канарейку ниткой к сучку и из двух стволов, в упор, на вершок расстояния, дал по ней два залпа, и она разлетелась на сто перушков. Потом мы воротились, заехали в гостиницу, взяли номер, стали есть и пить шампанское; пришла дама <...> Потом, когда мы стали опять пить, он стал ее дразнить и ругать; она сидела без платья; он отнял платье, и когда она стала браниться и просить платье, чтоб одеться, он начал ее изо всей силы хлестать по голым плечам хлыстом. Я встал, схватил его за волосы, и так ловко, что с одного раза бросил на пол. Он схватил вилку и ткнул меня в ляжку. Тут на крик вбежали люди, а я успел убежать. С тех пор мне мерзко вспомнить о наготы; поверьте, была красавица» [4, т. 13, с. 27-28]. Как видим, добыча «легких денег» обернулась здесь тем, что человек с этими деньгами впадает в неистовство, зверство, разврат и даже в беснование. Эта сцена является как бы прообразом всего романа, указывая на то, что в будущем должно произойти с героем, хотя бы и не в такой грубой форме. В духовном смысле эта сцена – обнажение сущности «ротшильдовской идеи» обогащения любой ценой и того, что она неизбежно делает с человеческой душой.

Если миф, по А.Ф. Лосеву, есть развернутое магическое имя, то сюжет художественного произведения как частный случай мифа – это развернутое символическое имя, которое часто бывает названием произведения, но это не обязательно. Имя «Подросток» является и одним из имен главного героя, и названием романа – оно обозначает путь роста человеческой души и её очищения от соблазнов. Это позитивное имя романа. «Ротшильд» же является его «негативным» именем – тем, что Подросток должен преодолеть в процессе роста души. Развертка смысла имени «Ротшильд» имеет в романе и определенную историсофскую символику. Незаконнорожденность Подростка – это его «ротшильдовская» черта, поскольку новый тип «хозяина мира», основанный на власти денег также «незаконнорожденный тип» человека – он приходит извне в христианскую цивилизацию, как чужой завоеватель, но присваивает себе ее силы – так же, как сделал своей фамилией чужой герб. «Подросток» должен перерасти этот изначальный свой грех – здесь проявляется и библейский архетип «блудного сына». Подлинный отец Подростка – Макар Иванович Долгорукий, набожный старец, в странствиях собиравший деньги на постройку храма. И это чрезвычайно символично для общего смысла романа, для того пути, который должен пройти Подросток и для его изначального призвания. В этом образе подлинного, но забытого отца явлен и историсофский символ: Россия, по мысли Достоевского, должна избавиться от «ротшильдовского» соблазна и вернуться на путь Святой Руси.

Архетип «блудного сына» очень ярко явлен и в том сюжете, когда Подросток пришел за пересланными отцом деньгами, но не был принят, хотя его брат был дома, а деньги были переданы ему через лакея. Не подлинный, но почитаемый им «отец» Версилов – это западник, исповедующий «всемирное гражданство». Это русский человек, изменивший своему призванию, духовно предавший свою Родину. Его фамилия тоже символична, поскольку происходит от латинского слова *versa* – «наоборот», «перевернуто» (а латинизм *vice versa* вошел в английский язык). «Версилов», собственно означает – «тот, кто из перевертышей». «Ротшильдовский» соблазн приемного сына является явным продолжением и усугублением западничества отца. Символично и то, что после какого-то скандального поступка Версилов изгнан из высшего общества – т. е. отлучен от людей, хранящий аристократические традиции, для которых честь является высшей ценностью. Кроме того, Версилов оказывается и тайным развратителем. Однако в романе мы застаем Версилова уже в начале его душевного перелома и покаянного пути. Вины его в самоубийстве Оли не было: деньги им были даны ей бескорыстно, в качестве помощи, но она, уже до этого несколько раз становившаяся объектом посягательств, поняла его благородный поступок превратно. Это также символично: «грязным» деньгам никто не верит, и они не могут приносить добро. Эти деньги соблазняют и самого Подростка: Аркадий приоделся франтом и ведёт самый светский образ жизни, беря деньги у князя Сергея Сокольского в счёт тех, которые полагаются Версилову. Аркадий играет в рулетку и выигрывает много денег, но они лишь усиливают его разочарование в жизни и в его «ротшильдовской» идее.

В результате всех пережитых перипетий «Подросток» не отрекается от своей идеи, но теперь она предстает ему «уже в совершенно ином виде». Что это за «иной вид», в романе не сказано подробно, но по контексту можно понять, что вероятнее всего, Аркадий Долгорукий начнет искать способы неротшильдовского зарабатывания денег праведным трудом и их справедливым распределением. Как писал Д.С. Лихачев, «постепенное освобождение от предвзятой власти идеи составляет содержание “Подростка”. Подросток сперва невольно, а потом и сознательно поступает вопреки своей идее “власти-богатства” и постепенно выходит из своего одиночества, становится человеком. Он выигрывает и отдает, теряет время на чужие дела, кутит, хотя и поклялся вести аскетически-жадный образ жизни, чтобы нажиться и получить власть над людьми. В результате этого отступления от своей идеи он приобретает реальные черты, человекообразность» [5, с. 53]. Такое внутреннее изменение героя всегда является главным внутренним сюжетом произведений Достоевского, а в «Подростке» оно основано на преодолении «Ротшильда».

Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год писал: «Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства <...> недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше – конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! <...> матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения» [9, т. 25, с. 85]. Само слово «жидовство», которое здесь употребляет Достоевский, нельзя считать проявлением некоего «антисемитизма», во-первых, потому, что слова «еврей» в то время еще не было в русском языке, оно было введено позже как неологизм; во-вторых, речь здесь идет не о еврейском народе как таковом, который в то время в основной своей массе жил в большой бедности, а именно о его отдельных представителях, которым была свойственна упомянутая «идея». Тем самым, «ротшильдовская» идея у Достоевского – это идея не национальная, но всемирно-историческая, и при этом имеющая много своих различных конкретных проявлений. Достоевский прямо пишет о том, что Джемс Ротшильд вовсе не был дурной человек сам по себе – но страшной была идея, которой он служил и благодаря которой стал «великим», порождая в мире и множество искренних подражателей, подобных Подростку.

Предчувствовал Достоевский и катастрофическую историю России XX века: один из героев «Бесов» заявил, что «счастья человечества» можно достичь, лишь «срезав радикально сто миллионов голов». Западный материализм в России приобрел лицемерный характер, маскируясь под «социальную справедливость». Однако и эта хитрость социализма была заранее разоблачена Достоевским: он писал, что в основе социализма лежит вовсе не жажда справедливости – это лишь поверхностный обман, а та же самая жажда материального обогащения, как и в капитализме. В духовном смысле между ними нет никакой разницы, поскольку социализм, по Достоевскому, «устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе <...> Вот эти-то социалисты, по моему примечанию, в ожидании будущего устройства общества без личной ответственности, покамест страшно любят деньги и ценят их даже чрезмерно, но именно по идее, которую им придают» (письмо к В.А. Алексееву 7 июня 1876) [9, т. 29, кн. 2, с. 85]. Тем самым, и в основе социализма, по Достоевскому, лежит то же самое «ротшильдовское» начало – стремление людей лишь к земному материальному могуществу любой ценой. На поверхности социализм вроде бы противоположен капитализму, но в основе их лежит одна и та же духовная сущность. Об этом потом писали русские философы Серебряного века.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий обобщающий вывод. Имя «Ротшильда» в качестве символа в романе «Подросток» разворачивается как серия сюжетных событий, связанных с попытками людей самоутвердиться с помощью денег и их безнравственных поступков, которыми неизбежно эти попытки заканчиваются. Идея благого применения «ротшильдовских» денег, то есть денег, завоеванных хитростью, подлостью, и обманом, всегда полностью проваливается – вплоть до самоубийства людей, которых пытаются с помощью этих денег облагодетельствовать, оказывая бескорыстную помощь. Почему-то такую помощь люди отказываются принимать. Такой феномен известен и на уровне массового сознания – когда говорят, что «деньги имеют свою энергию». На самом же деле, «энергию зла» имеют не деньги как таковые, а те люди, которые их приобрели неправедным путем. И

если они потом пытаются делать добро, то это у них не получается, поскольку их душа уже пленена злом и несет его в себе во всех их действиях. Для того чтобы стать на путь добра, человек должен прекратить добывать такие «злые» деньги, которые не могут принести пользы. Таким образом, сюжет романа является своего рода развертыванием первичного мифо-символического смысла имени «Ротшильд». «Подросток» освободился от демона своей «ротшильдской идеей», стал другим человеком, но все-таки нам не известно, к какой новой идее он пришел и что собирается делать. Смысловой финал романа, как почти всегда у Достоевского, остается открытым – «всё впереди и всегда будет впереди» (М.М. Бахтин). Модель «ротшильдского» человека, имея известные прецеденты в мировой литературе (Гобсек и др.), тем не менее, именно у Достоевского обрела метафизический, «шекспировский» масштаб и, соответственно, задала масштаб своего преодоления в виде духовного преображения человека в свете христианского идеала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрон Д.Г. Собрание сочинений в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 1-4.
2. Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956-1959. Т. 1-10.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956-1957. Т. 8-11.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
5. Лихачев Д.С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Литература – реальность – литература. М.: Сов. писатель, 1981. С. 44–59.
6. Подосокорский Н. Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, 2020. № 1. С. 31–50.

Поступила в редакцию 21.03.2022

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии
Луганский государственный педагогический университет
91011, ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: darenski1972@rambler.ru

V.Yu. Darenskiy

SYMBOLISM OF THE NAME “ROTHSCHILD” IN THE NOVEL “PODROSTOK” BY F.M. DOSTOEVSKY

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-350-356

The article considers the plot of the novel “Podrostok” as a symbolic unfolding of the primary mytho-symbolic meaning of the name “Rothschild”. The name “Rothschild” as a symbol unfolds as a series of events related to people’s attempts to assert themselves with money and their immoral acts, which inevitably end these attempts. “Podrostok” freed himself from the demon of his “Rothschild idea”, became a different person. The historiosophical aspects of this name are also shown. The model of the “Rothschild” man, having well-known precedents in world literature (Gobseck, etc.), nevertheless, in Dostoevsky acquired a metaphysical, “Shakespearean” scale and, accordingly, set the scale of its overcoming in the form of a spiritual transformation of a person in the light of the Christian ideal.

Keywords: Dostoevsky, “Rothschild”, “Podrostok”, historiosophy.

REFERENCES

1. Bajron D.G. Sbranie sochinenij v 4 t. [Collected works]. Moscow, Pravda, 1981. T. 1-4.(In Russian).
2. Hejne G. Sbranie sochinenij v 10 t. [Collected works]. Moscow, Gos. izd-vohudozh. lit., 1956-1959. T. 1-10.(In Russian).
3. Gercen A.I. Sbranie sochinenij v 30 t. [Collected works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956-1957. T. 8-11.(In Russian).
4. Dostoevskij F.M. Polnoe sbranie sochinenij: v 30 t. [The complete works]. Leningrad, Nauka, 1972-1990.(In Russian).
5. Lihachev D.S. Dostoevskij v poiskah real'nogo i dostovernogo [Dostoevsky in search of the real and authentic] In *Literatura – real'nost' – literatura*. [Literature – reality – literature]. Moscow, Sov. Pisatel', 1981. P. 44–59. (In Russian).

6. Podosokorskij N. Legenda o Rotshil'de kak «Napoleonefinansovogomira» v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot» [The legend of Rothschild as the “Napoleon of the Financial World” in F.M. Dostoevsky's novel “The Idiot”] In *Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal* [Dostoevsky and world culture. Philological Journal], 2020. № 1. P. 31-50. (In Russian).

Received 21.03.2022

Darenskiy V.Yu., Doctor of Philosophy, Professor at Department of philosophy
Lugansk State Pedagogical University
Oboronnaya st., 2, Lugansk, LPR, 91011
E-mail: darenski1972@rambler.ru